

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОДОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO BUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 623.718

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XIII

Buenos Aires, martes, 7 de febrero de 1961

Буэнос Айрес, вторник 7 февраля 1961 года № 576

Е. Месснер

Мир смотрит на Кеннеди

“Мы хотим, чтоб Черчилли сразу нас излечили, мы с тревогойзираем в жизни хмурую даль”, — писал в 1919 году поэт-фельетонист киевской газеты. Сейчас не киевляне, а весь свободный мир с тревогойзирает в жизни хмурую даль и хочет, чтобы Кеннеди сразу нас излечил. И даже те из русских, которые, равно ненавидя слова “республика” и “демократия”, предпочитали бы видеть президентом республиканца Никсона, примиряются с победой демократа Кеннеди и немного надеются, что он все-таки “излечит”. Но сперва: “Врачу, исцелися сам”.

Первым делом надо очистить Авгиевы конюшни американской дипломатии от таких (с точки зрения Кремля “полезных глупцов”), как Роботтом, который способствовал Фидель Кастро, потому что был уверен, что нет доказательств, будто этот “прогрессист и либерал” стоит под коммунистическим влиянием. Американский дипломатический корпус полон Роботтомов, которые с интеллектом механических роботов трудятся на пользу Москвы, сами того не понимая.

Москва надеется, что Кеннеди пойдет по стопам Рузвельта, который, по завершении войны приказал своим сотрудникам: “Давайте русским все, чего бы они ни попросили”. Но Рузвельт был диктатором мира, потому что весь цивилизованный мир лежал в развалинах, а над ними высился американский колосс. Сейчас нет больше развалин и колосс перестал быть мощью без конкуренции, мощью, не встречающей сопротивления.

В 1946 году вожак германских социалистов отлично резюмировал проблему международных прав и обязанностей: Америка настаивала на тотальной победе (на капитуляции Германии) и поэтому на ней лежит тотальная обязанность помочь поверженным стать на ноги. И Америка помогла врагам, павшим под тяжестью поражения, и павшим под тяжестью победы своим союзникам. Государства Европы стали клиентами, приживальщиками Америки, и Америка делала за них международную политику. Истощенная войнами Европа потеряла духовную гегемонию в мире и выдвигала на государственные посты серых людей — Иднов, Мендес-Франсов, Спааков — и поэтому гегемония была в руках американцев Труманов и Ачесонов; эти тоже были серы, но они опирались на доллар.

Сейчас доллар перестал быть единственной опорой в мире: выздоровел фунт стерлингов, восстала из пепла войны марка. Европейские приживальщики-клиенты хотят быть партнерами Америки и сама Америка просит их быть партнерами в грандиозном финансово-политико-психологическом предприятии, называемом “помощью развивающимся странам”. Труман мог приказывать и покорная, потому что нищая, Европа помогала и в создании воздушного моста в Берлин и в образовании фронта в Корее; Айзенхауэр-Даллес прикрикнули на Англию и Францию с Израилем и Суэцкая война прекратилась в одночасье — хотя Европа в то время уже и окрепла, но еще не могла перечить американскому окрику. Но Айзенхауэр-Хертер перестали быть повелителями — Европа настолько оправилась от последствий войны, что даже антиколониалистические потрясения в Азии и Африке не понизили ее уверен-

ности в себе: Германия конкурирует с САСШ на рынках Азии, Латинской Америки, Африки; Франция становится атомной силой; Англия на базе фунта создает в Европе группу из 6 держав, в противовес группе из 7 держав, базирующихся на доллар.

Кеннеди стоит лицом к лицу с эмансипировавшейся Европой. Германия хочет дружить с Америкой на основе равноправия (и при явном антикоммунизме христианских демократов в ней, имеет под спудом готовность ее социалистов не только к сосуществованию с Советами, но и к соглашению с ними). Франция в руках амбициозного де Голля стремится к водителству Европой и требует замены в Атлантической Коалиции дуумвирата Вашингтон-Лондон триумвиратом Вашингтон-Лондон-Париж. Лондон, на протяжении ста лет творивший в Европе свою политику “европейского равновесия”, вздумал теперь быть стержнем весов всемирной политики “равновесия нуклеарного и реального оружия”.

Прилегающая к Тихому океану часть Азии — антикоммунистические государства — поглощают ежегодно полтора миллиарда долларов, в качестве помощи, но вассалами Америки себя не считают. В Африке доллару-благодетелю приходится бороться с рублем-демагогом. В части Латинской Америки ориентация (Запад или Восток?) стала биржевой ценностью: кто больше сулит, в те руки может и перейти; хотя Кубой руководимый экстремистский ажиотаж и пошел на убыль, но проблема восстановления идеологического единения 21-го государства Америки требует решения.

Деление мира на две части — свободную и коммунистическую — заменяется делением на три части: Третья Сила хочет быть вне соперничества Востока с Западом, находясь в роковом заблуждении, будто можно оставаться нейтральной, когда Кремль трудится над тотальной, всемирной революцией. В Организации Объединенных Наций Америке с Англией, благодаря наглости, напористости, назойливости кремлевской дипломатии, вызывающей всюду раздражение, удается предводительствовать, но работа в этом учреждении стала невероятно трудной, потому что в числе 99 ее членов есть много черных и желтых младенцев, по незнанию протягивающих ручки к ядовитым ярко-красным цветкам. Америка с трудом водителствует в ООН и человек в Белом Доме с трудом водителствует в Свободном мире: Рузвельт был диктатором, Кеннеди будет primus, inter pares (первым среди равных), причем в группе равных — Англия, Франция, Германия — стараются протиснуться Индия, Италия, Канада, Бразилия и т. д.

И все же может наступить эра Кеннеди. Для этого есть основание, а может быть и есть возможность.

Основанием для сотворения новой американской эры являются свойства американской нации. Хотя в ней давно улегся восторг от победы 1945 года, унылые годы Трумана-Ачесона поставили перед ней государственно-идеологический вопрос “как жить?”, а катастрофические месяцы Айзенхауэра-Хертера выдвинули пессимистический вопрос “как выжить?”, все же в стране неограниченных возможностей имеется неограниченный запас оптимизма.

А на оптимизме, на уверенности в победных возможностях американской государственной, капиталистической, социальной системы можно строить политику и дипломатию эпохального напряжения и достижения. Не надо лишь повторять ошибки тех тысяч американских эмиссаров, финансовых и технических советников, журналистов и культуртрегеров, которые с 1946 г. заполнили Свободный мир, великолепно помогая и отвратительно навязывая всему миру американский уклад жизни и склад понятий. Это сделало их нелюбимыми всюду. Но они станут желанными, если Америка будет помогать, но не американизировать.

Кроме оптимизма, базой американского влияния является американская честность. 27 миллиардов долларов раздали САСШ государствам Европы по “плану Маршалла” и никакой аферой (кроме некоторой утечки товаров на черный рынок) не запятнали американцы эту великолепную акцию. В век всеобщей бесчестности такая честность представителей нации не может не быть сильным оружием в руках Кеннеди, если он объявит всемирный крестовый поход против красных сил бесчестия, бесчеловечности, безбожия.

Склонен ли Кеннеди к возведению такого похода? Способен ли? Отважен ли?

На первые два вопроса еще нельзя ответить, если не считать ответом его “тронную речь”, в которой он указал, что к власти пришло поколение, рожденное в XX веке и закаленное в войне.

На третий вопрос он ответил утвердительно в своей книге, написанной им 5 лет тому назад. В ней он описывал и прославлял действия тех американских государственных мужей, которые, не боясь поставить на карту свою политическую карьеру, противились обществу мнению, мнению слепой толпы и ее слепых поводырей. Кеннеди воспел гражданское мужество. Надо поэтому думать, что он сам обладает гражданским мужеством, чтобы отвести затасканные мысли Липпмана, Стивенсона, Трумана, не устыдившегося своих промахов, и развязно-вдовствующей г-жи Рузвельт. Найдется ли в Кеннеди достаточно гражданского мужества, чтобы в Америке и в Свободном мире воплотить в победоносное действие НОВЫЕ мысли и идеи? И найдется ли он в себе и своих сотрудниках творческие мысли, одушевляющие идеи?

Е. Месснер

Николай Кремнев

РОССИЙСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Неоднократно писалось на страницах “Нашей Страны” о нашем отношении к “сателлитам”, то есть к странам восточной Европы отданным с согласия Запада в советское рабство. Не мешает напомнить одну (из многих) роковых ошибок Свободного мира, совершенную вследствие недостаточной информации о мировых целях советской власти, а затем и попустительства, слабости и трусости. По ялтинскому совещанию вся восточная Европа должна была быть оккупированной Красной армией, путем свободного голосования, решили бы судьбу своих политических режимов, после чего из этих стран Красная армия должна была уйти. Можно лишь поражаться наивности и доверчивости демократий, надевавшихся, что под охраной Красной армии произойдут соответствующие плебисциты, а затем и эвакуация этих стран советской властью.

Но кроме наивности и доверчивости выявилось и безмерное невежество в познаниях целей Коминтерна, страну за страной прибирающего к советским рукам еще недавно свободные государства. Может быть, все эти совершившиеся с 1939 года факты теперь и верно оценены демократиями, но сейчас уже поздно реагировать на этот советский грабеж, ибо следовало бы произвести вооруженное выступление в целях освобождения этих “сателлитов”, что не является возможным ныне, вследствие перманентной слабости и трусости бывших союзников большевиков во Второй Мировой войне. Венгерские события 1956 года сами за себя говорят. С нашей, российской точки зрения, российским интересам, вследствие закабаления стран восточной Европы, был нанесен труднопоправимый ущерб. Мы можем бесконечно и на все лады утверждать, что закабаление совершенно не русским народом, не правомочным его правительством, а международной организацией, Коминтерном, поставившим себе цели мировой коммунистической революции, хотя большинство руководителей этой организации и являлись русскими людьми. Если к этому прибавить, что состав оккупационных советских армий в “сателлитах” состоит из русских людей, да еще одетых в

† 13-го января с. г. скоропостижно скончался мой дорогой муж

БОРИС АНАТОЛЬЕВИЧ МЕДВЕДЕВ

В субботу 18-го февраля с. г., в 40-й день его кончины, в Кафедральном соборе Воскресения Христова в 5.45 вечера будет отслужена панихида, на которую приглашаю друзей вместе со мной помолиться.

Мария Медведева

† После тяжелой болезни 21-го января 1961 г. в 9 час. утра скончалась

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА ПОНОМАРЕНКО,

урожденная ВЕСЕЛОВА,

о чем с глубокой скорбью извещают: муж покойной И. М. Пономаренко, сестра В. М. Михайлова с мужем, дочь покойной Т. И. Степановская с мужем и детьми, сын покойной Валериан Голендеров с женой и дочерью, племянница-крестница Людмила Д. Безрукова-Михайлова с мужем и дочерью Тиной и А. С. и Г. Г. Любаривские.

Похороны состоялись 23 января на Британском кладбище в Б. Айресе.

С. Л. Войцеховский

Записная Книжка

ДЕКАБРЬ 1960

«ФИЛАДЕЛЬФИЙСКОЕ СБОРИЩЕ»

Есть ли смысл в нашей непримиримости? Г. В. Месняев и я говорили об этом в ноябре, по пути в Филадельфию, где нам предстояло участие в собрании русских противников коммунизма.

Ответ был дан самой поездкой — непримиримость к коммунизму побудила нас ее предпринять. Ответ был подтвержден собранием — оно показало (я это однажды уже написал), что стремление к освобождению России живо в русских сердцах.

Неожиданно, возникло еще одно подтверждение — его создал тот советский фильм «Русский Голос», который в сентябре огласил открытое письмо В. В. Шульгина. На этот раз (4-го декабря) он занялся «филадельфийским сборищем», то есть тем собранием, ради которого Г. В. Месняев и я побывали в Филадельфии. Статья об этом «сборище» подписана псевдонимом, Вадимом Муратовым.

— Я по ушам узнал его тотчас — сказал Пушкин об одном из своих современников. Эти слова применимы к Муратову. Его «изящный» слог, его «изысканный» язык удивительно напоминают те нападки на русских эмигрантов, которые появлялись еще недавно в умолкнувшем ныне журнале «советских патриотов» в Нью Йорке, в «Российской Независимости». Родство обоих перьев несомненно.

— В Филадельфии, — написал Муратов, — слетелись зловещие филины и вороны реакционной русской антисоветской эмиграции... Они излили потоки зловонной лжи и клеветы по адресу великого Октября, столь справедливо и своевременно отринувшего их, этих зачумленных вырожденков рода человеческого...

«Зачумленными вырожденками» сотрудник «Русского Голоса» называет А. Л. Толстую, И. И. Сикорского и Б. В. Сергиевского потому, что их Обращение к свободному миру было роздано участникам собрания. Этих участников он именует стариками, «которые лаяли, каркали и плевались на сборище бесноватых в Филадельфии».

Один из лучших русских публицистов автор превосходной книги — Г. В. Месняев — для Муратова всего лишь «отпрыск разложившегося дворянства». Меня он награждает рядом «любезных» прозвищ — тут и «лицемерный плакальщик о судьбах русского народа», и «волк в овечьей шкуре», и «адепт черной свастики».

Даже то, что собрание почтило память С. В. Юрьева, привело Муратова в ярость. «Его смерть, — написал он о покойнике, — символична, ибо она служит предвестником близкой кончины тех черных идеалов мракобесия, от имени которых он подвизался в эмиграции».

«Филадельфийское сборище», совершенно очевидно, взволновало «советских патриотов»...

ОБ «ОТКРЫТОМ ПИСЬМЕ» В. В. ШУЛЬГИНА

«Открытое письмо к русским эмигрантам», подписанное В. В. Шульгиным, оказалось пропагандой, которой коммунисты воспользовались и в России. «Известия» пересказали (17-го декабря) содержание этого «письма» и привели из него пространные выдержки.

Один из откликов русской зарубежной печати на «письмо» содержит любопытные сведения о судьбе и поведении Шульгина в советском заключении. Анонимный автор статьи «Что случилось с В. В. Шульгиным?», напечатанной (7-го декабря) в Сан Франциско «Русской Жизнью» сам побывал в советских тюрьмах. «Не возмущение, а жалость нахожу я в своем сердце», — пишет он о Шульгине.

— Отбывал В. В. тюремное заключение в той же тюрьме, куда в октябре 1947 года был переведен и я, — продолжает он, — встретились мы с ним в одной камере в конце 1948 года и

провели вместе не то 8, не то 9 месяцев... О каком-либо идейном сдвиге в психологии В. В. в те времена не может быть и речи, и именно общее нам обоим монархическое мировоззрение и одинаковое отношение к революции и прошлому России сближало нас. Всех нас, и в положении уже не подследственных, а заключенных, нередко вызывали на допросы... Как-то раз В. В., вернувшись с допроса, вдруг объявил, что вызывавший его какой-то высокий чин разрешил ему писать в заключении мемуары об его прошлой жизни и деятельности, главным образом, воспоминания о Государственной Думе... В. В. засел за писание своих мемуаров очень рьяно, но через некоторое время он опять был вызван к приехавшему из Москвы прокурору, который ему заявил, что его писания советскую власть совершенно не интересуют: он пишет о Думе, о которой им все известно и без него, от него же они ждут разоблачений о жизни эмиграции и о деятельности во Франции и в Югославии белых антисоветских организаций... Разоблачений, интересующих советскую власть, В. В. писать не собирался и поэтому на этом писание его мемуаров кончилось...

Появление «открытого письма» В. В. Шульгина автор этой статьи объясняет так:

— В 1955 году все иностранцы, в том числе и эмигранты, получили право писать в те страны, откуда они были взяты. Этим правом воспользовался и В. В. и написал жене в Сербию... Жена его загорелась желанием приехать в Советский Союз и поселиться вблизи места его заключения... Визу на въезд в Советский Союз она получить не смогла, но, взамен этого, ей предложили принять советское подданство. Она очень быстро получила советский паспорт, а вслед затем и разрешение выехать в Советский Союз... После освобождения, как эмигрант, взятый из Югославии, В. В. подлежал возвращению в Югославию, но его жена, приехавшая в СССР, как советская гражданка, права на выезд из советского государства получить не могла. Положение для них создалось безвыходное... Долгое время шла переписка между тюрьмой и Москвой... Выход был найден: его поместили в инвалидный дом. Мало того, туда же была принята и его жена... Но над ним постоянно висела угроза, что из этого убежища его в любой момент могут угнать в далекие места... что на старости лет ему опять придется расстаться с женой... Перед ним была дилемма: или написать то «покаянное письмо», которое так ошеломило людей, знавших его прошлое, или, уже без жены, быть переведенным в какое-нибудь таежное село...

Это объяснение правдоподобно и осуждение того, что написано Шульгиным, не исключает жалости к нему, как к жертве грубого, жестокого насилия. Сколько бы ни было в его судьбе его вины или оплошности (никто не заставляет его остаться в Югославии и там дожидаться «встречи» с коммунистами), эта судьба опровергает утверждение об изменении советской «внутренней политики». Давление на совесть человека было и остается ее краеугольным камнем...

СЛОВЕСА ЛУКАВСТВИЯ

В «Нашей Переключке» (№ 12, помещенный январем 1961 года, но вышедший в декабре) напечатана статья А. Дикого: «То, о чем не пишут».

— Ни для кого не секрет, — говорит Дикий в этой статье, — что среди эмиграции существуют настроения, резко отрицательные к установкам и деятельности свободного мира в, так называемом, «русском вопросе». Не секрет также и наличие среди эмиграции мнений, одобряющих некоторые действия и мероприятия советской власти в области внешней и внутренней политики.

Как на пример благожелательного отношения эмигранта к внешней политике коммунистов А. Дикий мог бы сослаться на самого себя — именно он отозвался в печати положительно о действиях большевиков на Ближнем Востоке и назвал эти действия продолжением российской Императорской политики.

Трудней, казалось бы — если оставаться в стороне «советских патриотов» — подыскать пример благожелательного отношения эмигранта к внутренней политике Хрущева и его товарищей, но и в этом нас выручает тот же Дикий:

Н. Потоцкий

«БЕЗ ПЯТИ МИНУТ...»

В заключительной части своей чрезвычайно интересной и поучительной для подавляющего большинства широких масс свободного мира книги, С. Лабэн, подчеркнув еще раз тот факт, что политическая война, ведомая Советами, подвергает этот мир смертельной опасности, говорит о том, как он должен реагировать на эту угрозу, используя находящиеся в его распоряжении ресурсы и динамизм, вместо того, чтобы пассивно выжидать, погрузившись в рутину и сонливость.

Прежде всего, необходимо верить в возможность и действительность этой реакции для чего, в свою очередь, с одной стороны, не давать себя запугивать машиной советской пропаганды и инфильтрации, а с другой, не попадаться в ловушку лукавого аргумента попутчиков коммунизма, внушающих нам мысль, что эта пропаганда не опасна, ибо она, в сущности, ни к каким реальным результатам не ведет.

Если машина коммунистической пропаганды колоссальна, это еще не значит, что с нею нельзя успешно бороться и даже ее превзойти. Для этого превосходства не нужен какой-то особенный гений: любая группа людей, снабженная необходимыми средствами, может этого превосходства достигнуть. Если же эта пропаганда, якобы, беспредельна, то почему же Советы затрачивают на нее такие колоссальные усилия? И спрашивается, что могло бы за последние десятилетия стать со свободным миром, если бы он не проявил хотя бы и гораздо меньшие усилия в области контрпропаганды, разоблачая тиранию и ложь коммунизма?

Истина состоит в том, что эта контрпропаганда была до сих пор до смешного незначительна в сравнении с масштабами пропаганды коммунистической, которую ни в коем случае нельзя считать непреступной крепостью на том только основании, что для овладения ею применялись негодные или ничтожные средства.

Необходимо произвести прежде всего революцию в области дипломатии в соответствии с новыми орудиями политической борьбы, ибо в то время, как советская дипломатия построена так, чтобы служить базой для пропаганды и инфильтрации коммунизма, дипломатия западная руководится правилами и обычаями времен Меттерниха. Но если в те времена дипломатия была лишь шахматной игрой между деятелями одного и того же мира, ныне эта игра идет не на жизнь, а на смерть между государствами, устроенными и функционирующими нормально, и совершенно аномальным Аппаратом мировой гегемонии. Западные дипломаты должны отныне в совершенстве знать

— В последние годы, — сказано в его статье, — советская власть делает немало такого, что бы сделала и эмиграция, если бы пришла к власти...

— Что именно? — восклицает удивленный читатель... Ответ А. Дикого готов:

— Отобрание от Польши исконных русских земель; поднятие обороноспособности страны на такую высоту, что вся Европа, вместе взятая, о каком-нибудь нападении, как это она не раз делала в прошлом, не смеет и мечтать; уравнивание в правах русских с теми инородцами, которые четверть века были на привилегированном положении; разве к этому не стремилось бы и правительство национальной России, если бы была свергнута советская власть?

«Отобрание исконных русских земель» и «поднятие обороноспособности страны» едва ли можно называть политической внутренней. Таким образом, от всех доводов А. Дикого в пользу совпадения внутренней политики коммунистов с пожеланиями их противников остается только одно: «уравнивание в правах русских с инородцами». Придает ли А. Дикий этому «уравниванию» такое значение, что оно перевешивает на его весах все коммунистические преступления?

Он, очевидно, понимает шаткость такого построения и поэтому пишет:

— Неразумно называть эти мнения «просоветскими» только потому, что они идут вразрез с политикой свободного мира, который в последние годы открыто заявляет, что его цель — ликвидация России, как единого государ-

Окончание

методы работы этого Аппарата; между тем, их невежество и их бессмысленность в этой области просто невероятны! Этому должен быть положен конец: нынешние дипломаты антикоммунистических стран должны получать специальную подготовку в деле борьбы с коммунизмом и избираться среди тех борцов с ним, которые воодушевлены стремлением к победе. И должна в корне измениться та картина, что в то время, как коммунистические посольства превращены в крепости политической борьбы, западные посольства остаются салонами академических международных сношений.

Вторая реформа должна состоять в устранении несогласий между странами свободного мира в их международной политике. Единство Запада должно стать категорическим императивом для всех актов этой политики. И оно требует, чтобы все оборонительные ресурсы свободных стран были включены в единое целое и управлялись единой общей стратегией на основе свободных обсуждений, которые должны установиться заранее обязанности каждой страны в случае всевозможных международных кризисов и притом на всем земном шаре. Эта общность, это единство должно отныне выйти за пределы ОТАН-а, ставшие слухом узкими. Старый примат национальный должен отныне подчиниться примату общечеловеческому.

Лицом к лицу с систематическим макиавеллизмом Кремля западная дипломатия должна пересмотреть свои довоенные правила игры. Она должна отныне следовать следующим правилам:

Она не должна рассматривать СССР согласно традиционным нормам международных отношений. Кремль управляет государством совсем не таким, как другие, ибо под таковою видимостью государства скрывается система, имеющая единственную цель — порабощение всего мира. Никогда нельзя упускать из виду, что СССР имеет два воплощения: один его лик, это — официальное государство, другой — мировой коммунистический Аппарат, который в любой момент может практически аннулировать любые теоретические обязательства, взятые на себя официальным правительством.

Никогда нельзя забывать двурушничество Советов, которое является их сущнейшим оружием, плотью от их плоти. Для них не имеют никакой цены никакой подписанный им договор, никакое произнесенное их представителями слово. В дипломатической борьбе с ними реально весомыми должны быть только материально ощутимые залогов, как например, западный Берлин или Формоза, которые имеют громад-

ства, и отождествляет коммунизм с русским народом.

Обвиняя в этом свободный мир, А. Дикий сообщает факты, всем известные и не раз вызывавшие — как, например, резолюция Конгресса Соединенных Штатов о «порабощенных нациях» — возражения и протесты русских противников коммунизма.

Эти факты А. Дикий знает хорошо и перечисляет их убедительно. Только об одном он тщательно молчит, не отвечая на вопрос, чем объясняется такое отношение к России.

В наступлении коммунистов на свободный мир А. Дикий замечает только то, что можно подогнать под понятие патриотических успехов — «отобрание от Польши исконных русских земель» и «поднятие обороноспособности». Насильственного насаждения коммунизма в той же Польше, в Румынии, в Чехословакии, в Восточной Германии он не видит. Китай и Лаос, Корея и Тибет, Куба и Конго для него не существуют.

Назвать коммунистический замысел всемирной революции продолжением политики российских Императоров А. Дикий все же не решает. Объяснить этим замыслом то позднее и слабое сопротивление, которое выражается иногда в свободном мире не только антикоммунизмом, но и руссофобией, он, очевидно, не хочет. Поэтому его построение однобоко, его мнения пристрастны, его забота о «достоинстве российских патриотов-антикоммунистов» звучит неубедительно.

С. Л. Войцеховский

ное значение в этой борьбе: Берлин для Кремля важен не как западный «мешок» в занимаемой им территории, но как свидетель свободы, находящийся слишком близко от зоны его диктатуры; и безумием было бы отдать коммунистам Формозу не потому, что ее значение с точки зрения новейшей стратегии ничтожно, а потому, что она является светочем притяжения для китайских масс, поработанных Пекином, и, именно, как таковой, Мао стремится его уничтожить.

Должно помнить всегда, что торговля в торговых сношениях, культура в сношениях культурных, спорт в обменах спортивных стоят для Кремля на последнем месте. Все эти обмены интересуют их исключительно, как дополнительные пути для коммунистической инфильтрации. (Это должны были бы хорошенько усвоить наши наивные эмигрантские поклонники всяких «березок», советских балетов, цирков и т. п.).

Если старое дипломатическое правило гласило, что даже в критических случаях лучше продолжать вести переговоры, чем проявлять непреклонность, то в сношениях с Советами это правило не годится никуда, ибо они используют эти переговоры исключительно для того, чтобы дурачить своих партнеров и заставить их принять свою точку зрения. Вести игру с шулером можно только тогда, когда разрешают самим себе применять шулерские приемы, иначе проигрыш обеспечен. Ярким примером такой игры является август 1939 года: в одной зале Кремля Сталин подписывал договор с Риббентропом, а в другой тот же Сталин вел переговоры с представителями Франции и Англии.

Одним словом, во всех сношениях с Кремлем западная дипломатия должна всегда помнить о том, что все его предприятия и начинания являются лишь аксессуарами для успешной работы его пропаганды и инфильтрации. А потому западные державы должны без всяких экивоков дать понять лидерам коммунистических стран, что они считают именно их, этих вождей, единственными виновниками международного напряжения, как результата их стремления к мировому господству и нарушения ими договоров, которые они заключают; что они не являются представителями власти, политически законной; что западный мир не перестанет требовать предоставления подлинно демократических прав и свободы самоопределения для стран, поработанных коммунизмом, и что он отказывается от каких бы то ни было конференций с ними, пока они не дадут предварительных и совершенно реальных доказательств своего стремления к установлению подлинного мира между народами. К этим доказательствам относится: объединение Германии на основе свободных выборов; независимость Венгрии; прекращение подрывной работы коммунистов в странах свободного мира; допущение литературы, радио-передач и фильмов свободного мира по ту сторону Железного Занавеса; согласие на взаимный контроль вооружений и при этом на всей территории СССР. Только при принятии этих условий, Западный Мир может согласиться вести какие бы то ни было переговоры с Кремлем и категорически заявить последнему, что до этого момента он будет проявлять полнейшую бдительность и не допустит никакого продвижения коммунистического влияния ни в одном пункте земного шара, ни в какой форме. Только твердость позиции свободного мира может принудить Кремль пойти на уступки. Ибо на «горячую» войну он никогда не пойдет — вся его игра состоит в подрыве своего противника изнутри. История говорит, что когда Запад показывал себя твердым, Кремль не шел на риск осложнений в мировом масштабе: так было с решениями Трумана в вопросе с Кремлем и с Кореей; так было, прибавим мы, совсем недавно, когда представители могущественного СССР были с позором выгнаны из Конго каким-то маленьким, не устроившим полковником.

Талантливая французская журналистка не ограничивается констатацией того печального факта, что свободный мир находится «без пяти минут» от своей гибели, если только он не проснется и не проявит максимума понимания своего положения и полного напряжения своей воли к борьбе с Красным Злом. Она бросает горячий призыв о необходимости создания Лиги Свободы, в которой должны слиться все ныне существующие антикоммунистические

организации, начиная от центров изучения коммунизма, дающих миру информацию о действительном положении в поработанных странах и о самой сути коммунизма, и кончая активными группировками, стремящимися пробудить антикоммунистическую деятельность в поработанных Кремлем странах. Все эти организации пока еще разрознены, действия их остаются без необходимой координации, их издания не выходят из круга немногих специалистов или уже убежденных противников коммунизма, и в общем их потенциал в области подлинной борьбы против могучих ресурсов мирового коммунизма остается весьма слабым.

Лига Свободы должна поставить себе следующие задачи:

Объединить для разумно координируемой деятельности ту ежедневную и еженедельную прессу, которая ставит своей задачей «очищение мозгов» широких народных масс. Специальное Информационное Агентство должно составлять нужный материал органам этой печати для систематического опровержения лжи коммунистических изданий, фильмов, радио-передач, для подрыва всех видов разлагающего влияния Кремля.

Помимо периодической печати, Лига должна использовать иллюстрированные журналы, брошюры, книги... Необходимо создать международное книгоиздательство, которое выпустит такое неограниченное количество материалов антикоммунистического содержания, дабы исчез тот позорный факт, когда автор книг такого содержания с громадным трудом находит издателя для своего труда. Лига должна заняться также продукцией ярких антикоммунистических фильмов в противовес московской кинопродукции: одно изображение действительной жизни народных масс по ту сторону принесло бы колоссальную пользу делу борьбы с советской пропагандой с ее лживыми картинками социалистического рая...

Лига должна приложить все усилия к тому, чтобы вовлечь в дело сопротивления советскому тоталитаризму крупнейшие партии и синдикаты, чтобы, хотя бы в этой области, они работали в согласии и единым фронтом, независимо от их политических оттенков, и внушать им древнюю истину: если мы не объединимся, то — погибнем! Сторонники свободных предприятий и социалисты, консерваторы и новаторы, верующие и неверующие, желтые, белые и черные, все должны объединиться по эту сторону баррикады для борьбы против коммунизма, ибо все они — свободные люди и хотят, чтобы их дети и внуки оставались такими же. Утопично требовать от них прекращения всех их несогласий и принципиальных расхождений, но они должны стать локоть к локтю повсюду там, где дело идет о том, чтобы преградить дорогу воинствующему коммунизму.

Лига должна распространить свое действие на все страны мира, где люди, осознавшие опасность зла, могут быть мобилизованы для борьбы с ним.

Лига должна организовывать повсюду и при каждом удобном случае манифестации протеста против угнетения народов, поработанных коммунистами, и выражать солидарность с их жертвами, всячески иллюстрируя их страдания от произвола и жестокостей их красных владык. Пора, наконец, чтобы миллиард несчастных людей, страдающих под игом коммунизма, нашел бы в свободном мире свой рупор для выражения их мучений, чаяний и надежд на освобождение. Из празднословия первого мая Лига должна сделать Мировой день солидарности рабочих свободного мира с их братьями, поработанными коммунистическим режимом.

Нельзя не приветствовать светлых идей и благородных стремлений одной из лучших женщин свободного мира. Но приветствовать — мало, надо осознать свой долг претворить ее мечты и планы в жизнь. Вот почему я позволяю себе от души посоветовать нашим антикоммунистическим центрам, лигам и движениям установить живой контакт с автором книги «Без пяти минут...» для обмена с нею мыслями и для обсуждения конкретных вопросов объединения всех этих организаций в Лигу Свободы вместе с таковыми же организациями в других странах. Думаю, что лучше всего сделать это через нашего соотечественника, неутомимого и активного борца против коммунизма, редактора газеты «Exil et Liberté», Арсения

Г. Месняев

А. С. Хомяков — как человек

Сто лет тому назад, 23 сентября 1860 года, умер, 56 лет от роду, замечательный русский человек, философ, богослов, поэт, Алексей Степанович Хомяков.

Он никогда не был в числе «властителей дум» русского образованного общества. О нем и до революции, и сейчас в эмиграции, русские люди имели и имеют, в сущности, самое туманное и поверхностное представление. Кое-что известно о славянофильстве Хомякова, знают немного об его поэзии и очень смутно об его богословских трудах. Но, едва ли многие из образованных русских людей смогут рассказать о том, как представляется им живая личность А. С. Хомякова, каким он был в самой простой, будничной, обыденной жизни.

А, между тем, личность А. С. Хомякова — очень своеобразная, цельная и исключительно богато одаренная — представляет собой большой интерес и сама по себе, и потому, что он был очень типичен для той среды, к которой принадлежал по рождению, в которой он жил и действовал. Среда эта — лучшая часть русского помещного дворянства — состояла из людей, которые, несмотря на свою высокую и истинную просвещенность, несмотря на свой «европеизм», в лучшем значении этого слова, не только не порвали кровных связей, соединявших их с русским простым людом, но, наоборот, эту связь считали самым главным в своей жизни, ценили ее в самой высокой степени, ею гордились и всеми способами ее укрепляли.

Люди эти, по своему мышлению, по своей духовной и национальной настроенности, по своим взглядам, вкусам и привычкам, — были, как бы, одновременно и помещиками и коренными, степенными, рассудительными русскими мужиками. В частности, для А. С. Хомякова немалую роль сыграло то любопытное обстоятельство, что его прадед, Федор Степанович Хомяков, был избран помещиком самими крестьянами. Произошло это так: один из Хомяковых, богатый, почетительный помещик, не имевший прямых наследников, задумался над судьбой своих крестьян после его смерти. Он предложил крестьянам самим избрать себе помещика, кого-нибудь из хомяковского рода. Избранные крестьянами ходоки отправились искать по хомяковским вотчинам себе барина по душе, и нашли такого в лице прадеда А. С. Хомякова. Недаром последний всегда считал, что земля принадлежит народу, а помещик вручен лишь управление ею, в интересах общих.

Главное, что связывало А. С. Хомякова с простыми русскими людьми заключалось в его приверженности к русскому Православию. Эта приверженность не была при этом какой-то барской, «снисходительной прихотью», условной, со всякими вольностями и уклонениями. А. С. Хомяков, как удачно сказал Бердяев, «не подчинил свою веру философии», а верил крепко и бесхитростно, как верили когда-то простые люди, соблюдая при этом все обряды Церкви. «Обряды церковные, и в особенности посты, — вспоминал долготный друг А. С. Хомякова, А. И. Кошелев, — он соблюдал строго, никогда притом не осуждая тех, которые в этом отношении действовали иначе... Он говорил, что содержит посты потому, что Церковь их установила, что не считает себя вправе становиться выше Ее и что дорожит этой связью с народом. В церковь он ходил очень прилежно, и хотя имел привычку вставать по утрам поздно, часу в двенадцатом, однако по праздникам не пропускал обедни и часто ходил даже к заутрени. Молился он много и усердно, но старался этого не показывать и даже это скрывать».

Подобно простым русским людям своего времени, Алексей Степанович не любил политики. Ведь, в те времена, политиканство было чуждо рядовому русскому человеку. Человек этот считал тогда, что государственное дело

находится и должно находиться в руках Государя и тех, кого он назначил управлять. А он, этот простой русский человек, имеет достаточно дел и забот в своей собственной семье, в своем хозяйстве, в своей среде, где были его общественные интересы.

В письме к А. О. Смирновой, в 1848 году, когда Европа кипела в котле политических страстей, А. С. Хомяков писал: «Вам известно мое всегдашнее глубокое отвращение от всякого политического вопроса, а я теперь затравлен, заеден политикой... Меня берет злость. Если бы вы, молодцы, думаю я, ходили в зипуне, да в косоворотке, вы бы думали о своих домашних да семейных делах, а не о вздоре, до которого вам дела нет, и сами были бы умнее и мне не надоели».

Будучи душой предан свободе и радуясь за нее везде, где это было надо, А. С. Хомяков был убежденным сторонником Самодержавия. Он ненавидел ложь, и ненавидел поэтому западно-европейские парламентские порядки, противясь всячески перенесению их на русскую почву. Он считал, что Россия, где должна быть не формальная, а более полная, человеческая свобода, — сумеет согласовать самодержавие с широкой гласностью и с всенародным представительством.

Когда почил Император НИКОЛАЙ I, А. С. Хомяков писал: «Смерть доказала нравственную правоту человека, который столько казался виноватым. Впрочем, я его всегда считал правым, и винил не лицо, а систему и нас всех. Сумеет ли мы оправдать себя теперь, или наша бездейственность докажет, что мы даже не заслуживаем возможности действовать? Скорых перемен я не жду, но характер будущего царствования будет непременно зависеть от того, кто первые подадут голос: честные или бездушные. Это решит отчасти вопрос: можно ли или нет уважать эту землю; можно ли или нет доверять ей, позволять мыслить вслух и жить общительно? Дай Бог нам того, что недостает у многих: истинной любви к добру, правде и России».

Опасения А. С. оправдались: у русских людей, увы, не хватило «истинной любви к добру, правде и России» — они погубили свою Землю!

Стараясь духовно слиться с народом, А. С. Хомяков стремился и к тому, чтобы и по своей внешности не отличался от неевропеизированных русских людей: он носил русское платье, даже выезжая в Англию. Носил он и бороду, хотя в те времена, ношение бороды людям не простого звания было запрещено, и когда он должен был подчиниться такому запрещению, он его перенес не легко.

Таково, то, что в самых кратких, беглых чертах, характеризует А. С. Хомякова, как человека церковного, патриота и гражданина. Зная, что он был крупным мыслителем, создателем и главой славянофильского учения, богословом и писателем, — можно было бы предположить, что он был в жизни скучным педантом, глубокомысленным, исполненным чувства собственного достоинства, ученым, кабинетным человеком, отделенным от людей и жизни стенами своего кабинета.

Однако, в действительности, этого вовсе не было. Живой Хомяков, Хомяков в обывденной жизни, чарует нас кипучей жизнерадостностью, способностью с увлечением отдаваться практическим интересам, здоровым и естественным жизненным утехам. Он вовсе не похож на вялых, вечно брюзжащих, склонных к бесплодной мечтательности, типичных русских интеллигентов. Совсем наоборот! Хомяков — мужественен, даже воинственен. И это проявлялось не только в том, что он, в свое время, был офицером, участвовал в войне, и, по свидетельству современников, отличался «холодной, блестящей храбростью». Как прекрасно и романтично звучат его слова в письме к матери, в котором он описывал бой, в котором он участвовал: «Я был в атаке, но хотя раза два замахнулся, но не решился рубить бегущих, чему теперь очень рад».

Таким же мужественным и воинственным он был и в мирной жизни. Он был самым страстным, исключительно искусный и трудно победимый спорщик. В спорах он твердо и бестрепетно отстаивал свои взгляды, вовсе не

Арсеньевича Гулевича, написав ему по адресу:

7, Avenue León - Heuzey
Paris XVI. France

Не будем терять времени. На часах истории свободного мира действительно — «без пяти минут...!»

Н. Потоцкий

